

Текст и предложение в синтагматической репрезентации

В статье интерпретируются базовые характеристики текста: целостность и связность, представленные в одной из работ Л. Г. Бабенко. Эти характеристики текста рассматриваются, во-первых, в качестве означаемого и означающего текста, как своеобразной знаковой структуры. Отмечается логическое обоснование наличия целостности в самой внутренней структуре понятия *единица*. В применении к тексту, сложному по структуре комбинаторному синтагматическому формированию, понимание целостности означает наличие смыслового центра в том или ином синтагматическом развертывании в рамках системы языковых средств в их последовательном линейном проявлении, что и обеспечивает связность текста.

Так как центральной мыслью статьи является идея универсальности таких базовых характеристик как целостность и связность в любом синтагматическом образовании, предложение как синтагматическая структура определяется также этими характеристиками. Однако простое предложение, как отличная от текста синтагматическая структура, эти свойства единицы репрезентирует специфично. Пропозициональный номинант имеет функциональную организацию целостности, равно как и отражаемый им субстрат — экстралингвистическое событие. Поэтому в предложении для обозначения свойств целостности и связности существуют иные языковые средства, обозначенные иными терминами.

Ключевые слова: целостность, связность, текст, предложение, пропозитивный номинант, семантическое согласование, композициональность, событие, изотопия.

Синтагматические образования разных языковых уровней [1] вызывают давний интерес лингвистов разных стран. Хотя в грамматике долгое время внимание исследователей фокусировалось на морфологии, синтактика отношений конstituентов даже внутри синтетического слова не могла быть проигнорированной. Лингвистическая синтагматика вполне последовательно затем обратила свой взор на основную коммуникативную единицу языка и одновременно на базовую синтаксическую единицу — предложение, а позднее и на комбинаторику предложений в ранге текста.

Можно сказать, что исследование текста на современном этапе достижений лингвистической науки, вышедшей на новых теоретических основаниях в отражаемую языком действительность, получило второе дыхание. Многие известные лингвисты посвятили тексту целые научные труды или обозначили направление исследований, показав важность определения базовых характеристик текста [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8].

Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин в этом плане не составили исключения в их презентации текста и базовых закономерностей его формирования в учебнике «Лингвистический анализ художественного текста» [9].

В отечественной филологии большая роль в исследовании текста принадлежит М. М. Бахтину. При описании понимания им понятий, связанных с текстом, конечно, необходимо учитывать, что он в первую очередь литературовед, поэтому его определения характеристик текста отличаются определенной художественностью. Следует сказать, что М. М. Бахтин, как литературовед, не делал различий между письменным и устным текстом, т. е., грубо говоря, между текстом и дискурсом [10]. В определенном смысле он был прав: в содержательной составляющей, на наш взгляд, в своей основе текст, озвученный как дискурс, передает одинаковое содержание.

Так как текст является многоплановой и многоаспектной единицей, то он оказывается представленным в разных его гранях. В первых, текст является сложным синтагматическим образованием. Любая конструктивная единица в своем означаемом, чтобы называться единицей, должна отличаться целостностью. В тексте это должно проявляться в единстве смысла. Это смысловое единство может быть воспринято реципиентом при помощи обеспечивающей это единство лингвистически выраженной внутренней связности [11; 12; 13]: без обеспечения связности между конститuentами не может существовать синтагма ни одного языкового уровня.

На наш взгляд, изучение проблемы связности и процесса связывания конститuentов синтагматических образований и, как следствия, их целостности обрело новое дыхание в связи с фокусированием внимания на речевой организации сначала основной коммуникативной единицы языка — предложении, а затем с логически закономерным переходом к комбинаторике пропозитивных единиц в их коммуникативной составляющей — к тексту, дискурсу.

Текст, как любая конструктивная единица, чтобы называться единицей, должен быть целостным как в своем парадигматическом определении, так и в синтагматической реализации [14]. Любая языковая единица, как знак, по теории Ф. де Соссюра, да и по общесемиотической и онтологической логике, должна быть двусторонней: иметь и означаемое, и означающее.

Означаемым для текста является единство содержательного структурированного ядра, а означающим — обеспечивающая это единение система языковых средств. Содержательное единство обозначается в русской терминологии термином *целостность*. Идея целостности неоднократно отмечается учеными. М. М. Бахтин целостность текста как единицы называет своеобразной монадой. Он видит в этой монаде и определенную синтагматическую протяженность: содержательную последовательность во взаимосвязи всех эксплицируемых в высказываниях смыслов [15].

Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казариным целостность текста также отнесена к его смысловой составляющей: «Основу универсальных категорий текста составляют целостность (план содержания) и связность (план выражения)» [16]. В этом отношении авторы пособия фактически выражают мнение, высказанное многими другими отечественными и зарубежными лингвистами. В трудах на английском языке в зарубежной лингвистике для обозначения понятия целостности используется термин *coherence*. При фонетическом калькировании на русский язык он обозначается термином *когерентность* [17; 18].

Обычно данный термин используется в применении к макротексту (текстовая когерентность) [19; 20; 21; 22]. Мы считаем, что этот термин может быть использован и в применении к микротексту — предложению как пропозитивной синтагме [23]. Ф. де Соссюр считал предложение «типичным проявлением синтагмы» [24]. В. Г. Гак при описании особенностей семантической синтагматики приводит примеры именно пропозитивных синтагм [25].

Предложение в синтаксическом аспекте можно считать минимальной текстовой единицей. В содержательном плане, так же как и текст, предложение отвечает критерию законченности смысла. Без сомнения, такие макроединства как текст, дискурс имеют свою специфику проявления свойств связности и целостности, так как имеют отличную от предложения семантическую и синтаксическую структуру, хотя их синтагматика имеет и многие общие с предложением черты.

Конституенты синтагматического образования демонстрируют целостность (когерентность) благодаря средствам разных языковых уровней, начиная с грамматического с его морфологическими и синтаксическими средствами и завершая лексическими. Эти свя-

зующие средства создают языковую связность текста в означающем, что дает возможность обеспечивать содержательную целостность. Связующие языковые средства обеспечивают связность текста, которая в английском языке обозначается термином *cohesion*, а в русской транслитерации фонетическим эквивалентом этого термина — *когезия* [26].

Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин считают связность текста важнейшей текстовой категорией, так как именно средства связывания превращают отдельные высказывания в целостный текст [27]. Ими рассмотрена развернутая система этих средств, в которые включены не только внутриязыковые средства, но и прагматические способы обеспечения целостности в единении номинатора и реципиента текста [28].

Связность в широком понимании характеризует любое языковое синтагматическое образование, начиная от слога и кончая текстом. Так, на фонологическом уровне реализации фонем звуки в соответствии с закономерностями фонетической синтактики конкретного языка вступают в подчинительные отношения. В результате проявления активной фонетической валентности происходит ассимиляция (полная или частичная) предыдущего или последующего звука. Понятно поэтому, почему Е. Курилович, говоря о слоге, описывает особенности разных языков в фонетической комбинаторике не только для определения особенностей фонетической гармонии в фонетической системе разных языков, но и для установления роли позиционных особенностей фонетической комбинаторики в фонетическом разграничении дискретности слов [29].

В грамматике подобная связь жесткого подчинения характеризует отношения существительного по отношению к прилагательному, когда последнее согласует свой род, падеж (если такие категории в конкретном языке существуют) и число с соответствующими категориями существительного. Подобное явление называется грамматическим согласованием. Фактически, ассимиляция и согласование — разные аспекты проявления наиболее жесткой формы подчинительных отношений компонентов структуры: уподобления зависимого компонента главному в одном или нескольких дифференциальных признаках. Согласование предшествует ассимиляции: ассимиляция зависимым компонентом диф-

ференциальных признаков главного является результатом их согласования [30].

На фонологическом уровне согласование дифференциальных признаков главного и зависимого компонентов и последующая ассимиляция зависимого компонента специфичны по своему характеру в разных языках. Так, русский язык характеризуется в основном полной ассимиляцией зависимого компонента звукового комплекса, французский — частичной.

По аналогии с грамматическим согласованием идентичное явление в синтагматической семантике названо также согласованием. Так как оно реализуется в семантическом аспекте синтагматической комбинаторики, такой тип согласования называется семантическим. Оно проявляется в особенностях лексической комбинаторики в словосочетании и предложении. Фактически Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин признают факт соотносимости некоторых категорий текста и предложения, когда говорят о лексической и грамматической синтагматике наряду с синтагматикой текста, когда используют термин *семантическое согласование* в применении к внутритекстовому связыванию конstituентов текста — высказываний [31].

В рамках текста составляющие его предложения имеют более сложное и многостороннее обеспечение целостности при помощи связующих средств и способов как в рамках внутренней, так и внешней лингвистики. Целостность и связность в рамках текста являются важнейшими свойствами текста.

Не случайно Л. Г. Бабенко в своей научно-педагогической деятельности обращает пристальное внимание на эти текстообразующие свойства [32]. Важность текста обрела новую значимость и с обращением взоров лингвистов на отражательную сторону языка и, соответственно, на внешнюю лингвистику: в современной реальности человек получает преобладающую часть знаний о мире и картине мира через посредство текста.

Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин относят целостность и связность текста к базовым категориям любого текста как языковой единицы [33]; высказывают мысль об универсальности категорий целостности и связности [34]. Эта мысль может быть подтверждена тем, что данные текстообразующие категории рассматриваются лингвистами не только в применении к русским текстам, но и к текстам на других языках. Назовем лишь некоторые из работ, выполненных на

основе исследования категорий связности и целостности, хотя бы, например, на базе английского [35; 36; 37], французского [38; 39; 40; 41; 42], испанского языков [43].

Конституенты синтагматического образования могут демонстрировать различную степень семантической спаянности, целостности (когерентности). Эта демонстрация обретает языковое выражение благодаря речевым средствам разных языковых уровней, начиная с грамматического с его морфологическими и синтаксическими средствами и завершая лексическими. Эти связующие средства называются когезионными, а само проявление этого связывания когезией.

Термин *когезия* (англ. *cohesion*, франц. *cohésion*) употребляется чаще всего в отношении текста [44; 45; 46], дискурса [47]. Менее распространенным является мнение о когезии как связи частей внутри любого целого (целостного) синтагматического образования [48; 49; 50]. Внутренняя форма термина позволяет считать когезию динамическим процессом связывания компонентов синтагм любого языкового уровня, а также результатом процесса — когда благодаря этому процессу синтагматическое образование приобретает семантическую цельность (целостность) пропозитивных и непропозитивных синтагм — его когерентность (англ. *coherence*, франц. *cohérence*). Когезия позволяет синтагматическому конструкту сохранять свою семантическую отмеченность [51].

На наш взгляд, обращение внимания на факт связывания в его формальных языковых проявлениях является продолжением тенденций структурной семантики [52]. Так, известные французские лингвисты А.-Ж. Греймас и Б. Потье обратили внимание на существование связующих элементов в синтагматических образованиях. Эти семантические компоненты синтагматических структур имеют семантическое родство, поэтому они «притягиваются» друг к другу, формируя семантическую отмеченность синтагматических конструктов. А.-Ж. Греймас назвал их изотопами [53]. В его понимании к минимальному контексту, в котором проявляется изотопия, относится синтагма. Благодаря изотопии происходит согласование конституентов синтагм и, соответственно, имеет место семантическая отмеченность синтагматических образований. При отсутствии изотопии происходит семантическое несогласование разной степени, что, как следствие, приводит к асемантичности высказываний [54]. Б. Потье считает, что процесс связывания синтагматических

конституентов приводит к семантической гармонии, этот процесс он обозначает термином изосемия (*isosemie*). Отсутствие связности (в его терминологии — изосемии), как считает Б. Потье вслед за А.-Ж. Греймасом, приводит к семантическим аномалиям, или анизосемии [55].

В семантической структуре значений терминов *когезия* (связность) и *когерентность* (целостность) очень много общего. Тем не менее лингвисты указывают и на различие в понятиях когезии и когерентности. Так, А.-М. Бруссо относит когезию к свойству формы текста, а когерентность к свойству его содержания [56]. Ф. Растье также устанавливает терминологическое различие между терминами *когезия* и *когерентность*. Он дифференцирует содержащиеся в них означаемое в следующих определениях: «когезия текста зависит от внутренних семантических отношений, а когерентность — от отношений с экстралингвистическим окружением, совокупности связанных с текстом семиотических явлений» [57].

Исходя из словарных дефиниций терминов *cohesion* и *coherence*, мы присоединяемся к мнению и авторов учебного пособия, и основной части известных зарубежных исследователей текста в их интерпретации понятий целостности и связности. По своей семантической структуре термин *когерентность* означает свойство. Поэтому мы предлагаем толкование термина, обусловленное его внутренней формой — «гармоническая целостность частей» [58].

Когерентный текст означает в такой интерпретации наличие смыслового центра текста и его логически и семантически последовательное развитие в композиционной структуре текста [59]. В последних работах по лингвистике когерентность видят в объединении концептуальной [60; 61] или логической связи и последовательности конституентов текста [62].

При этом различают референциальную и реляционную когеренцию [63; 64]. Референциальная когеренция исследователями относится к концептуальным единствам, о которых идет речь в тексте, а реляционная к связям между концептами, которые восходят к связям между событиями, о которых идет речь в тексте. Таким образом, когерентность, или целостность, относится лингвистами к означаемому текста. Это означаемое должно быть актуализировано языковыми средствами. Таким средством является для них когезия текста [65; 66; 67].

Ссылаясь на авторитетное мнение известного французского лингвиста Ф. Растье и на собственную логику научных заключений, мы считаем, что и предложение, как синтаксическая единица синтагматического развертывания, обладает свойствами целостности и связности. В свое время предложение нами было классифицировано как микротекст по отношению к тексту как макротексту [68]. В этом отношении аргументацией нашей точки зрения может являться ответ Ф. Растье на собственный риторический вопрос: «если микро- и макросемантика отдаются разной дисциплине, то как тогда лингвистика может разработать единую семантическую теорию?» [69].

Предложение как номинант отражает целостные события реальной действительности, и поэтому по своей семантической сути является синтаксической синтагматической единицей событийной сущности. Онтологически событие как функциональная сущность воспринимается как целостная единица, отличная от другого функционального событийного единства через посредство функциональных партиципантов и обстоятельств, некоторые из которых входят в определение реципиентом характера события. Отражающий тот или иной функциональный тип события его пропозитивный номинант в форме предложения также отличается функциональной целостностью. В означаемом пропозитивного номинанта она обеспечивается функциональной синтагматикой конститuentов предложения: их количественным присутствием, их соотношением между собой, а также лексико-семантическим содержанием этих конститuentов [70; 71; 72; 73; 74]. Поэтому, несмотря на то, что обычно свойство целостности предписывают тексту, дискурсу, в нашем понимании предложение как событийное означаемое также обладает этим признаком. Дело только в терминологии.

Так, например, свойство когерентности текста, которое затрагивает внутреннюю структуру текста, вполне сопоставимо по своей сущности с обозначением пропозитивной композициональности (композиционности — *compositionality*), которую лингвисты характеризуют как принцип, согласно которому значение сложного выражения является композиционной функцией значений его частей (*the meaning of a complex expression is a compositional function of the meanings of its parts*) [75]. В этом же плане композициональность определена и в работах других известных зарубежных лингвистов.

Примечания

1. *Кручинкина Н. Д.* Интегративный подход к определению понятия синтагмы // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. Межвузовский научный альманах. Под ред. канд. филол. наук доц. Т. А. Ширяевой. Пятигорск, 2009. С. 59–63.
2. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
3. *Кубрякова Е. С.* Текст и его понимание // Русский текст. 1994. № 2. С. 18–27.
4. *Кубрякова Е. С., Александрова О. В.* О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста. Доклады VII Междунар. конф. М., 1999. С. 186–197.
5. *Кубрякова Е. С.* О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001. С. 72–81.
6. *Николаева Т. М.* Текст // Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2. М., 1997. С. 555–556.
7. *Николаева Т. М.* От звука к тексту. М., 2000.
8. *Болотова Н. С.* Филологический анализ текста. М., 2007.
9. *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М., 2005.
10. *Бахтин М. М.* Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 473.
11. *Кручинкина Н. Д.* Связность и целостность синтагматических образований // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты. Саранск, 2004. С. 80.
12. *Кручинкина Н. Д.* Референциальная и комбинаторная целостность текста // Основные проблемы лингвистики и лингводидактики. Астрахань, 2007. С. 47.
13. *Кручинкина Н. Д.* Текст как синтагматическая единица // Язык. Текст. Дискурс. Вып. 7. Ставрополь, 2009. С. 75–76.
14. *Кручинкина Н. Д.* Связность и целостность синтагматических образований // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты. Саранск, 2004.
15. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 299.
16. *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Указ. соч.
17. *Растье Ф.* Интерпретирующая семантика: пер. с франц. Н. Новгород, 2001.
18. *Кручинкина Н. Д.* Когерентность конструктивных единиц // Социально-гуманитарные исследования: теоретические и практические аспекты. Саранск, 2000. С. 180–181.
19. *Растье Ф.* Указ. соч. С. 113.
20. *Baylon C., Mignot X.* Initiation à la sémantique du langage. P., 2000. P. 198–199, 207.
21. *Brousseau A.-M., Roberge Y.* Syntaxe et sémantique du français. Québec, Saint-Laurent, 2000. P. 272.
22. *Grobet A.* L'identification des topiques dans les dialogues. Bruxelles, 2002. P. 20.
23. *Кручинкина Н. Д.* Предложение как микротекст // Текст-2000: теория и практика. Междисциплинарные подходы. В 2 ч. Ч. 1. Ижевск, 2001. С. 106.
24. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977. С. 158.

25. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972. С. 367–395.
26. Бочкарев А. Е. Семантический словарь. Нижний Новгород, 2003. С. 73.
27. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Указ. соч. С. 182.
28. Там же. С. 41–42; 182–194.
29. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 267–306.
30. Кручинкина Н. Д. Согласование единиц как общеязыковая закономерность // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: в 2 т. М., 1995. Том 1. С. 277–278.
31. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Указ. соч. С. 41–42.
32. Там же.
33. Там же.
34. Там же.
35. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. Longman Group Ltd, 1976.
36. Kehler A. Cohesion and coherence // Semantics. Vol. 2 / Ed. by K. von Heusinger, C. Maienborn, P. Portner. Berlin/Boston, 2011. P. 1963–1987.
37. Spooren W. Structuring texts: Text linguistics // Cognitive Exploration of Language and Linguistics. Vol. 1. Amsterdam/Philadelphia, 2004. P. 179–201.
38. Растье Ф. Указ. соч. С. 113–114.
39. Baylon C., Mignot X. Op. cit. P. 198–199, 207.
40. Brousseau A.-M., Roberge Y. Op. cit.
41. Grobet A. Op. cit.
42. Spooren W. La structuration des textes. La linguistique textuelle / W. Spooren // Linguistique cognitive. Comprendre comment fonctionne le langage. Bruxelles, 2002. P. 223–231.
43. Taboada M. T. Building coherence and cohesion: task-oriented dialogue in English and Spanish. Amsterdam/Philadelphia, 2004.
44. Растье Ф. Указ. соч. С. 11.
45. Halliday M. A. K., Hasan R. Op. cit.
46. Kehler A. Op. cit.
47. Baylon C., Mignot X. Op. cit. P. 199–201, 207.
48. Бочкарев А. Е. Указ. соч.
49. Кручинкина Н. Д. Когезия в синтагматике // Новые подходы в гуманитарных исследованиях. Право, философия, история, лингвистика. Саранск, 2000. С. 126–127.
50. Кручинкина Н. Д. Связность и целостность синтагматических образований // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты. Саранск, 2004.
51. Кручинкина Н. Д. Когезия в синтагматике // Новые подходы в гуманитарных исследованиях. Право, философия, история, лингвистика. Саранск, 2000. С. 126.
52. Greimas A.-J. Sémantique structurale: recherche de méthode. P., 1966.
53. Ibid. P. 69–71.
54. Ibid. P. 111–112.
55. Pottier B. Sémantique générale. P., 1992. P. 41.
56. Brousseau A.-M., Roberge Y. Op. cit.
57. Растье Ф. Указ. соч. С. 114.

58. Кручинкина Н. Д. Связность и целостность синтагматических образований // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты. Саранск, 2004. С. 79.

59. Ducrot O., Schaeffer J.-M. Nouveau dictionnaire encyclopédique des sciences du langage. P., 1995. P. 604–605.

60. Spooren W. La structuration des textes. La linguistique textuelle / W. Spooren // Linguistique cognitive. Comprendre comment fonctionne le langage. Bruxelles, 2002. P. 223.

61. Spooren W. Structuring texts: Text linguistics // Cognitive Exploration of Language and Linguistics Vol. 1. Amsterdam/Philadelphia, 2004. P. 179.

62. Brousseau A.-M., Roberge Y. Op. cit.

63. Spooren W. La structuration des textes. La linguistique textuelle / W. Spooren // Linguistique cognitive. Comprendre comment fonctionne le langage. Bruxelles, 2002. P. 224, 231–240.

64. Spooren W. Structuring texts: Text linguistics // Cognitive Exploration of Language and Linguistics Vol. 1. Amsterdam/Philadelphia, 2004. P. 179, 186–194.

65. Растье Ф. Указ. соч.

66. Baylon C., Mignot X. Op. cit.

67. Ducrot O., Schaeffer J.-M. Op. cit. P. 603–604.

68. Кручинкина Н. Д. Предложение как микротекст // Текст-2000: теория и практика. Междисциплинарные подходы. В 2 ч. Ч. 1. Ижевск, 2001. С. 106–108.

69. Растье Ф. Указ. соч. С. 112.

70. Кручинкина Н. Д. Семантическое согласование конститuentов пропозитивных синтагм // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 327. С. 19–26.

71. Кручинкина Н. Д. Система инвариантных знаковых языковых выражений событийных отношений // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С. 18–25.

72. Кручинкина Н. Д. Событийная основа пропозитивной номинации. лингводидактический подход // Когнитивные исследования языка. Вып. VIII. Тамбов, 2011. С. 202–205.

73. Кручинкина Н. Д. Концептуализация денотата и его языковая репрезентация // Когнитивные исследования языка. Вып. XIII. М.–Тамбов, 2013. С. 263–274.

74. Кручинкина Н. Д. Концептуализация и категоризация предметно-событийного мира в языковой репрезентации // Когнитивные исследования языка. Вып. XX. Тамбов, 2015. С. 826–836.

75. Cruse A. Semantics and pragmatics. Edinburgh, 2006. P. 29.

Text and sentence in syntagmatical representation

The paper interprets the basic characteristics of coherence and cohesion of the text presented in one of the works by L. G. Babenko. These characteristics are considered, firstly, as the signified and the signifier of the text, and as a kind of a sign structure. It is noted in the rationale of the innermost structure of the concept of having a coherence unit. When applied to the text, the complex structure of syntagmatic combinatorial formation, understanding of semantic coherence means having the center in a particular syntagmatic deployment within the framework of the system of language means in their sequential linear manifestation which provides cohesion of the text.

Since the central idea of the article is the idea of the universality of basic characteristics like coherence and cohesion in any syntagmatic formation proposal as syntagmatic structure is also determined by these characteristics. However, a simple sentence as distinct from the text of the syntagmatic structure of these properties represents a specific unit. Propositional nominee has a functional organization of integrity, as well as the reflected substrate — extralinguistic event. Therefore, the proposal to refer to the coherence of properties and cohesion, there are other linguistic resources, denoted by certain other terms.

Keywords: coherence, cohesion, text, sentence, propositional nominee, semantic agreement, compositionality, event, isotopy.

© Л. Б. Крюкова, А. В. Хизниченко
ТГУ, г. Томск

Семантика восприятия запаха и ее роль в формировании художественного образа пространства в поэтических текстах И. Бродского и Б. Пастернака

В статье рассматриваются языковые единицы с семантикой восприятия запаха и их функциональная нагрузка в процессе формирования художественного образа пространства в поэтических текстах И. Бродского и Б. Пастернака. В центре внимания средства выражения предикативного компонента, маркирующего восприятие и распространение запаха в пространстве, а также квалификатор и источник запаха. В процессе формирования анализируемого художественного образа важную роль играет комплексное восприятие действительности и синестезия как одна из форм его проявления. Различие двух поэтических картин мира в отношении формирования художественного образа пространства состоит в том, что поэзия Б. Пастернака насыщена ароматами мира флоры, а в лирике И. Бродского больше «городских» запахов, исходящих от жилых помещений и наполняющих их предметов быта. В поэзии Б. Пастернака с помощью запахов показана связь явлений природы с внутренним миром героя, его мышлением и восприятием мира в целом, в лирике И. Бродского пространственные образы передают состояние отчуждения лирического героя. Вербализованные в поэтических текстах пространственные образы, имеющие в основании семантику восприятия запаха, одновременно моделируют ситуации состояния окружающего мира и психического, физического, эмоционального состояния лирического героя.

Ключевые слова: художественный образ, пространство, восприятие запаха, поэтический текст.

Движущая сила обонятельной чувствительности — переосмысление, при котором представление о мире не разрушаются, не отрицаются, а обогащаются новым содержанием. Смыслы запахов не «вносятся» извне как внешнее, принудительное начало. Они самовозникают в сознании субъектов культуры. Запахи и ароматы — тот материал, где совершается становление человека как субъекта